

*ХРОНИКИ НЕБЕСНОГО
ПОТОКА: ЛЕЗВИЯ ИЗ
ПЕПЛА*

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

**ХРОНИКИ НЕБЕСНОГО
ПОТОКА: ЛЕЗВИЯ ИЗ ПЕПЛА**

«Автор»

2026

Патрушев С.

ХРОНИКИ НЕБЕСНОГО ПОТОКА: ЛЕЗВИЯ ИЗ ПЕПЛА /
С. Патрушев — «Автор», 2026

Юный кадет Ринн с ледяной луны Каллисто проваливает экзамен на владение Потокom, но демонстрирует опасный дар — «вспышку пустоты», способную стирать материю из реальности. Совет Магистров объявляет его Деструктором и требует казни. От неминуемой гибели Ринна спасает Тайрен Раск — таинственный Магистр-отшельник, последний из Пустотников, который берёт его в ученики. Так начинается путь от изгоя к наследнику древней силы, способной как исцелять реальность, так и уничтожать её. В галактике зреет угроза: возвращаются Безликие — древняя раса, заражающая разум магов, — и Разрушители, некогда расколовшие Орден Хранителей. Тайрен и Ринн оказываются в центре тайной войны, где ставка — свобода воли всех разумных существ. Но когда тьма проникает в душу учителя, Ринну предстоит выбор: спасти наставника или остановить его любой ценой. История о жертвенности, силе прощения и клинке, который становится продолжением не оружия, а души.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Экзамен в пустоте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

ХРОНИКИ НЕБЕСНОГО ПОТОКА: ЛЕЗВИЯ ИЗ ПЕПЛА

Глава 1: Экзамен в пустоте

Воздух в Зале Испытаний был густым и тяжелым, как вода на большой глубине. Он пах не просто озоном и старым камнем — в нем чувствовалась вековая пыль, осевшая на гобеленах, изображавших великих магистров прошлого, и едва уловимый металлический привкус страха, который, казалось, впитался в сами стены за десятилетия экзаменов. Этот запах — сложный, многослойный букет из электричества, древности и человеческого пота — стал для Ринна привычным за четыре года обучения в Академии Потока на Каллисто. Он знал каждый оттенок этого аромата: вот резкая нота озона от резонанс-генераторов, вот сухая пыль старых книг из библиотеки, вот холодная свежесть льда, просачивающаяся сквозь многослойную изоляцию, а вот — едва заметный, но безошибочно узнаваемый запах адреналина, который выделяли кадеты перед выходом на платформу. Но сегодня этот привычный букет казался Ринну удушающим, сдавливающим горло невидимой рукой. Каждый вдох давался с трудом, словно воздух превратился в вязкую субстанцию, которую нужно было проталкивать в легкие усилием воли.

Зал был огромен — один из самых больших в академии, построенный в форме амфитеатра, уходящего ярусами вверх, к сводчатому потолку, терявшемуся в полумраке. Стены, высеченные прямо в ледяной толще спутника, были укреплены древней каменной кладкой, привезенной, по легендам, с самой Старой Земли в эпоху Первой Экспансии. Эти серые, покрытые патиной времени блоки помнили еще первых колонистов, прибывших на Каллисто с мечтой превратить ледяную луну в форпост человечества. Сейчас эта мечта стала реальностью — под ледяной корой раскинулись многокилометровые туннели, города, шахты и академия, величайшее учебное заведение внешних колоний. Но камень помнил и другое — страх тех, кто впервые ступил на эту мерзлую землю, кто смотрел в черное небо над головой и понимал, насколько они одиноки в бескрайней пустоте космоса.

Свет десяти парящих сфер дрожал, отбрасывая на стены длинные, изломанные тени кадетов. Эти сферы были не просто источником освещения — каждая из них была сложным артефактом, настроенным на определенную частоту Потока, и вместе они создавали энергетическое поле, которое должно было гасить случайные выбросы силы во время экзамена. Их мягкое, золотистое свечение обычно успокаивало, создавая атмосферу торжественности и значимости момента. Но сегодня, для Ринна, их свет казался холодным, безжалостным, как прожекторы допросной камеры. Он выхватывал из темноты лица — бледные, напряженные лица его сокурсников, которые уже прошли испытание и теперь стояли у стен, ожидая окончания церемонии. Он видел в их глазах смесь облегчения, гордости и того особого, жестокого любопытства, с которым люди наблюдают за чужой неудачей. Среди них были те, с кем он делил трапезу в столовой, с кем зубрил теорию Потока в библиотеке, с кем стоял в карауле во время учебных тревог. Но сейчас они казались чужими, далекими, как звезды в небе над Каллисто. Их объединяло то, чего у него не было — стабильный контакт с Потоксом. И они знали это. И он знал, что они знают.

Где-то глубоко под полом, за толщей многослойной изоляции, способной выдержать прямое попадание плазменного заряда, стонал вечный ледник Каллисто. Этот звук — низкий,

вибрирующий, почти инфразвуковой — был постоянным спутником жизни на луне. Старожилы говорили, что ледник поет, что в его стоне можно услышать голоса предков, ушедших в глубины шахт и не вернувшихся. Другие утверждали, что это просто движение тектонических плит, наука, не более. Но Ринн, выросший в шахтерском секторе Е-7, знал правду. Ледник не пел. Ледник дышал. Он был живым, древним существом, и его дыхание было дыханием самой пустоты — той самой пустоты, что таилась в сердце Ринна и которую он так отчаянно пытался скрыть все эти годы.

Здесь, в атриуме, было почти жарко от напряжения десятков тел и гула резонанс-генераторов. Система климат-контроля работала на пределе, выкачивая избыточное тепло, но все равно по спине Ринна, под церемониальной туникой, стекали струйки пота. Жарко — понятие относительное на ледяной луне, где температура за бортом никогда не поднималась выше минус ста пятидесяти градусов по Цельсию. Здесь, внутри, поддерживались комфортные двадцать градусов, но Ринну казалось, что он стоит в эпицентре пожара. Его тело горело, несмотря на холод, проникающий сквозь тонкие подошвы ритуальных сапог, поднимающийся вверх по позвоночнику и сковывающий легкие ледяным панцирем.

Он стоял на платформе из черного обсидиана — единственного материала во всей известной галактике, способного гасить излишки энергии Потока, не разрушаясь при этом. Обсидиан был добыт на далекой вулканической планете Гесперия, где небо вечно затянуто тучами пепла, а реки текут расплавленной лавой. Каждая такая платформа стоила целое состояние, больше, чем весь шахтерский сектор Е-7 зарабатывал за год. И сейчас этот драгоценный камень, отполированный до зеркального блеска, охлаждал ступни Ринна, словно предупреждая его о том, что должно случиться. В его черной, стеклянистой глубине отражались огни сфер, искаженные, изломанные, как и сама реальность, которую Ринн собирался нарушить.

Он был последним в группе. Двадцать три кадета уже прошли испытание, и двадцать один из них покинул платформу с горящими от гордости глазами — полевая комиссия Совета Магистров засвидетельствовала стабильный контакт с Поток. Ринн смотрел на них, пока они выходили на платформу один за другим, и в груди его рос холодный ком. Он видел, как Лиара, его соседка по комнате в общежитии, с которой они вместе готовились к экзамену, вызвала в своей ладони идеальную голубую сферу энергии — чистую, ровную, без малейших колебаний. Она удерживала ее целых десять секунд, на пять больше норматива, и Магистр Восс даже кивнул ей с оттенком одобрения, что для него было равносильно бурным овациям. Он видел, как Дарен, высокомерный сын советника с Марса, играючи создал не одну, а целых три искры, заставив их вращаться вокруг друг друга в сложном танце. Толпа кадетов взорвалась аплодисментами. Дарен поклонился с той особой, ленивой грацией, которая свойственна людям, никогда ни в чем не нуждавшимся. Он был рожден для Потока, и Поток был рожден для него — так говорили инструкторы. Так говорили все.

Двое других ушли ни с чем. Первым был Томас, тихий парень с Цереры, который всегда сидел на задней парте и ни с кем не разговаривал. Когда он не смог вызвать искру, его лицо осталось бесстрастным, словно он ожидал этого. Он просто пожал плечами, спустился с платформы и получил направление в технический корпус с пометкой «энергетически инертен». Второй была Мира, девушка с большими, печальными глазами, которая, как и Ринн, приехала с одной из внешних колоний. Она пыталась трижды, каждый раз собирая в ладони лишь слабые, умирающие в зародыше искорки, и на третий раз Магистр Восс остановил ее движением руки. «Достаточно», — сказал он, и в этом слове было больше жестокости, чем в любом другом приговоре. Мира разрыдалась прямо на платформе, и ее увели под руки.

Это не было позором в прямом смысле слова. Технический корпус был уважаемым подразделением, его специалисты обслуживали системы жизнеобеспечения колоний, управляли кораблями, разрабатывали новые технологии. Но для таких, как Ринн — для уроженцев ледяных лун, для детей шахтеров и рудокопов, — распределение в техники означало приговор. Приговор к возвращению во тьму и холод, пусть и в более чистом комбинезоне, с более высокой зарплатой. Поток был единственной путевкой в большой мир, к теплым солнцам центральных систем, к жизни, полной смысла и величия. Маги Потока были элитой человечества. Они управляли энергией, которая связывала воедино всю вселенную. Они могли перемещать предметы силой мысли, читать эхо прошлого в камнях, исцелять раны, которые не поддавались никакой медицине. Они были хранителями знаний, защитниками колоний от Аномалий Мрака, исследователями неизведанных миров. Стать магом означало перестать быть никем. Остаться техником — значило навсегда остаться тем, кем ты был рожден.

Для Ринна, чья семья поколениями добывала дейтерий в шахтах под корой Каллисто, это означало возвращение в вечную ночь. Его прадед погиб в обвале на глубине трех километров. Его дед умер от лучевой болезни, надыхавшись радиоактивной пылью. Его отец, еще не старый мужчина с согбенной спиной и руками, покрытыми шрамами, до сих пор спускался в забой каждую смену, и каждая смена могла стать для него последней. Ринн был первым в их роду, кто вырвался на поверхность, кто увидел не искусственный свет ламп, а настоящие звезды. Он был их надеждой, их шансом на другую жизнь. Он не мог подвести их. Он не имел права.

Эта мысль пульсировала в висках, мешая сосредоточиться. Она билась в его сознании, как птица в клетке, заглушая все наставления, все техники релаксации, которым его учили. «Очисти разум. Отпусти мысли. Будь как вода». Легко сказать. Как можно быть как вода, когда ты — последняя надежда целой семьи? Когда на тебя смотрят глаза отца, матери, младшей сестры, которая еще слишком мала, чтобы понимать, но уже достаточно взрослая, чтобы ждать? Ринн сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя на коже красные полумесяцы.

Перед ним, на возвышении, восседал Совет. Четыре фигуры в тяжелых мантиях, расшитых серебряными нитями, изображавшими векторы течения энергии. Эти мантии были не просто одеждой — каждая из них представляла собой самый сложный артефакт, способный выдержать прямой энергетический удар, рассеять его и отразить обратно атакующему. Серебряные нити, вплетенные в ткань, были сделаны из мифрила — редчайшего металла, добываемого лишь в нескольких точках галактики. Они мерцали в свете сфер, создавая иллюзию движения, словно сама энергия Потока струилась по складкам мантий. Каждый член Совета был легендой, живой историей Академии. Их имена произносили с трепетом, их биографии изучали кадеты на лекциях, их подвиги воспевали в балладах. И все они сейчас смотрели на Ринна. Смотрели и ждали. И от этого ожидания воздух, казалось, сгустился до состояния камня.

В центре, чуть выдвинувшись вперед в своем парящем кресле из кости галактического кита — существа, способного путешествовать сквозь гиперпространство без помощи кораблей, — находился Магистр Орлан Восс. Его фигура излучала власть, которая не нуждалась в словах. Каждая деталь его облика — от идеально отглаженной мантии до безупречно уложенных седых волос — говорила о дисциплине, порядке и неукоснительном следовании правилам. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало карту высохшего русла реки — каждая линия была историей, каждая складка свидетельствовала о десятилетиях, проведенных в служении Поток. Говорили, что Восс был одним из немногих магов, перешагнувших столет-

ний рубеж, и что его связь с Потокom была настолько сильна, что он мог слышать саму музыку сфер — незримую гармонию, пронизывающую вселенную. Его глаза, бледно-голубые, почти бесцветные от возраста и колоссального объема пропущенной через себя силы, смотрели на Ринна без тени интереса. Это был взгляд человека, который видел тысячи таких, как он — неодаренных, неспособных, лишних. Взгляд, который не сулил ничего хорошего.

Восс был главой экзаменационной комиссии и живым символом ортодоксальной традиции Потока. Для него существовали только четкие протоколы: концентрация на дыхании, визуализация энергетического центра в области солнечного сплетения, контролируемый выброс через ладонь. Все, что выходило за эти рамки, было ересью, браком, подлежащим отбраковке. Он написал три книги по теории Потока, которые стали каноническими учебниками во всех академиях Федерации. Его доктрина «Чистого Потока» утверждала, что любое отклонение от стандартной методологии ведет к деградации дара и, в конечном счете, к Хаосу. Он искренне верил в это. И эта вера делала его безжалостным.

Рядом с ним сидел Магистр Корвелл, глава медицинского корпуса, человек с лицом ученого и глазами вивисектора. Его длинные, тонкие пальцы постоянно двигались, словно перебирая невидимые инструменты. На его запястье поблескивал диагностический браслет — сложное устройство, считывающее десятки параметров: от пульса и давления до тончайших флуктуаций энергетического поля. Корвелл редко говорил во время экзаменов, предпочитая наблюдать и анализировать. Для него каждый кадет был набором данных, графиков, показателей. Он не судил — он классифицировал. И сейчас его браслет уже начал посылать сигналы тревоги, фиксируя аномальную активность в энергетическом спектре Ринна. Но Корвелл молчал, ожидая развития событий с тем холодным, научным интересом, который так пугал кадетов.

Двое других членов Совета, магистры-тактики, сидели по бокам, закованные в легкие боевые доспехи поверх мантий. Их имена были засекречены, их лица скрыты под тактическими шлемами. Они представляли военное крыло Академии и присутствовали на экзаменах на случай непредвиденных ситуаций. Их задача была проста: если кто-то из кадетов потеряет контроль и выброс энергии станет опасным, они должны были нейтрализовать угрозу. Быстро. Эффективно. Без лишних церемоний. Ринн чувствовал их взгляды даже сквозь затемненные визоры шлемов — взгляды, оценивающие его не как человека, а как потенциальную цель.

И наконец, четвертый член комиссии, Магистр Тайрен Раск. В отличие от остальных, он сидел в тени, слева от кресла Восса, словно специально выбирая наименее освещенное место. Его фигура, высокая и сухощавая, была облачена в простую серую мантию без серебряного шитья — почти вызывающая скромность среди пышного великолепия коллег. Он не носил ни артефактов, ни украшений, ни знаков отличия. Единственным его аксессуаром был простой деревянный посох, прислоненный к подлокотнику кресла, — грубо отесанная палка, которую любой другой магистр счел бы оскорбительной в своей примитивности. Но те, кто знал историю Раска, понимали, что этот посох был ценнее любого жезла, инкрустированного драгоценными камнями. Он был вырезан из дерева, росшего на его родной планете, уничтоженной Архидемоном Гракхом во время Войн Прорыва. Это была единственная вещь, оставшаяся у него от дома.

Раск был загадкой даже для своих коллег. Герой войны, Владеющий Четырьмя Потоками — достижение, которое удавалось лишь единицам за всю историю, — он мог бы возглавлять Совет, быть Канцлером, купаться в славе и почестях. Но вместо этого он предпочитал

держаться в тени, редко появляясь на официальных мероприятиях и еще реже высказываясь. Говорили, что он разочаровался в догматах Потока после войны, что он ищет какие-то иные пути, запретные знания, которые Совет предпочитал игнорировать. Его единственный глаз — второй он потерял в битве с Гракхом, и шрам, пересекавший пустую глазницу, был живым напоминанием о той цене, которую он заплатил, — смотрел на мир с выражением вечной, усталой иронии. Казалось, он знает что-то, чего не знают другие. Что-то важное. Что-то пугающее.

— Кадет Ринн, с позывным «Ледяной» из шахтерского сектора Е-7, — голос Магистра Восса был сух, как треск льда под ногами. В нем не было ни тепла, ни интереса, ни даже простого человеческого любопытства. Это был голос функции, голос ритуала, который он исполнял тысячи раз и исполнит еще тысячи. Звук его имени, произнесенный с таким пренебрежением, ударил Ринна похлестче пощечины. Позывной «Ледяной» был дан ему сокурсниками в насмешку — за его происхождение, за холодный, замкнутый характер, за странные, темные глаза, в которых, как им казалось, никогда не было эмоций. Они не знали, что эмоции там были. Просто они были спрятаны так глубоко, что даже сам Ринн не всегда мог до них докопаться. — Приступайте к демонстрации базового контакта. Уровень — нулевой. Продемонстрируйте нам искру.

Искра. Самое простое упражнение во всем арсенале Потока. Первокурсники справлялись с ним через месяц после начала обучения, некоторые особо одаренные — через неделю. Нужно было лишь собрать в ладони сгусток сырой энергии Потока, сделать его видимым глазу и удержать пять секунд. Элементарная фокусировка, азы, фундамент, на котором строилось все дальнейшее обучение. Тысячи, десятки тысяч адептов по всей галактике делали это каждый день, не задумываясь, как не задумывается человек о дыхании или биении сердца. Это было так же естественно, как есть, пить, спать. Но для Ринна каждое обращение к Поток было похоже на попытку зачерпнуть воду решетом. Энергия ускользала, рассеивалась, не желая подчиняться его ментальному приказу. Словно сама вселенная отторгала его, не признавая своим.

Инструкторы говорили одно и то же, снова и снова, пока их слова не превратились в пустой звук, в белый шум, не несущий никакого смысла: «Ты слишком напряжен, Ринн. Поток нельзя удержать силой. Его нужно принять, стать его частью. Расслабься. Откройся. Позволь энергии течь сквозь тебя». Легко им говорить. Они не знали, что такое жить с пустотой внутри. Они не просыпались по ночам в холодном поту, чувствуя, как нечто бездонное и темное шевелится в самой глубине существа, ожидая момента, чтобы вырваться наружу. Как можно открыться Поток, если ты боишься самого себя? Как можно стать частью чего-то, что ощущается тобой как чужеродный, враждебный вихрь, норовящий выжечь сознание дотла? Каждая попытка контакта заканчивалась одинаково: паника, блок, откат. И с каждым разом страх становился сильнее, а способность к концентрации — слабее. Порочный круг, из которого не было выхода.

Ринн глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в пальцах. Он вытянул правую руку ладонью вверх, как требовал протокол. Рука дрожала. Он заставил ее замереть усилием воли. Закрыв глаза. Темнота под веками была почти осязаемой, бархатистой, как черный космос за бортом станции. Он попытался, как учили, представить себе свет — теплый, золотистый свет, льющийся откуда-то из центра груди, наполняющий все тело, растекающийся по рукам к кончикам пальцев. Визуализация была ключом к Поток. Сначала ты видишь свет внутри себя, потом ты чувствуешь его тепло, потом ты позволяешь ему выйти наружу. Просто. Легко. Естественно.

Но вместо света перед внутренним взором Ринна была только тьма. Глухая, непроницаемая, абсолютная. Не та тьма, которая бывает ночью, когда стоит закрыть глаза и можно увидеть отблески фонарей на сетчатке. Нет. Это была тьма шахт, тьма глубин, тьма, в которой он провел первые десять лет своей жизни, помогая отцу в забое. Тьма, которая не рассеивается, сколько ни жди. Тьма, которая становится частью тебя, проникает в кости, в кровь, в мысли. Она была не отсутствием света. Она была присутствием чего-то иного. Чего-то, что не имело названия на человеческом языке.

Он попытался пробиться сквозь нее. Сжал зубы. Напряг каждую мышцу. Весь его разум сосредоточился на одной точке — на центре ладони, где должна была вспыхнуть искра. Он представил себе огонь. Представил молнию. Представил саму энергию творения, рвущуюся из его руки. И не почувствовал ничего. Совсем ничего. Как будто он тянулся к чему-то, чего не существовало. Как будто Потока не было вовсе — ни внутри него, ни снаружи. Как будто весь мир был иллюзией, а он единственным реальным существом в пустом, мертвом космосе.

В тишине зала, которая стала абсолютной, осязаемой, единственным звуком был ритмичный писк диагностического браслета на запястье Магистра Корвелла. Писк, отсчитывающий ускоряющееся сердцебиение Ринна. Сто двадцать ударов в минуту. Сто тридцать. Сто пятьдесят. Сто семьдесят. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица, готовое разорвать ребра изнутри. В висках застучала кровь, заглушая все наставления, все мантры, все техники. Паника — холодная, липкая, безжалостная — начала подниматься из живота, сдавливая горло, мешая дышать, застилая глаза красной пеленой. Он знал это чувство. Оно приходило каждый раз, когда он пытался достичь Потока. И каждый раз оно побеждало.

— Показатели дельта-ритмов падают, — донесся бесстрастный голос Магистра Корвелла, и каждое слово было как гвоздь, забиваемый в крышку гроба. — Отсутствие даже альфа-активности на частоте контакта. Кривая внимания стремится к нулю. Объект полностью заблокирован. Мышечное напряжение зашкаливает. Признаки острой панической атаки. Рекомендую прекратить испытание во избежание психофизической травмы.

— Очередной нулевик, — разочарованно протянул один из магистров-тактиков. Его голос, искаженный фильтрами шлема, звучал механически, бездушно. — Зря тратим время, Орлан. Ставлю свой жезл, мальчишка даже статического разряда не выдаст. Отправляйте его в техкорпус, и займемся наконец настоящими адептами.

Эти слова полоснули Ринна по открытому нерву. Не просто задели — вспороли. Разрезали ту тонкую пленку самообладания, которая еще удерживала его от полного краха. «Нулевик». Это слово было клеймом. Приговором. Концом всего. Он не был нулевиком. Он знал это. Знал с самого детства, с тех пор как впервые спустился в шахту и почувствовал там, в глубине, под толщей льда и камня, присутствие чего-то огромного, непостижимого, живого. Не Поток. Нет. Не тот свет, о котором говорили учителя. Это было что-то другое. Что-то темное. Что-то пустое. Но оно было там. И оно было частью его.

Отчаяние, копившееся годами, — с того самого дня, когда он впервые переступил порог Академии с чемоданом в руке и надеждой в сердце, — смешалось с жгучей, детской обидой. Обидой на инструкторов, которые не понимали его. На сокурсников, которые смеялись над ним. На Магистра Восса, который смотрел на него как на пустое место. На всю эту проклятую, несправедливую вселенную, которая дала ему дар, но не дала возможности его использовать. Он чувствовал, как эта обида, этот гнев, это отчаяние закипают внутри, поднимаются из тех

глубин, которые он всегда старался держать запертыми. Он перестал сдерживаться. Перестал пытаться. Вместо того чтобы тянуться к воображаемому свету — к этому недостижимому, лживому, чужому свету, — он мысленно нырнул в свою внутреннюю пропасть. Он сделал то, что инстинктивно делал ребенком, прячась в темных штольнях шахт, когда обвалы отрезали его от внешнего мира и единственным спасением было принять тьму, стать ее частью, раствориться в ней. Он открыл дверь, которую держал закрытой всю свою сознательную жизнь. Он принял пустоту.

Эффект был мгновенным. И катастрофическим.

Диагностический браслет на руке Магистра Корвелла взвыл сиреной. Это был не спокойный писк, не предупреждающий сигнал. Это был вой — пронзительный, режущий уши, вой тревоги, который Ринн слышал только однажды, во время учебной эвакуации, когда отказал один из реакторов. Стрелки приборов зашкалили. Датчики, настроенные на измерение стандартной энергии Потока, сошли с ума, фиксируя показатели, которых не должно было существовать в природе — отрицательные значения, обратные всплески, парадоксальные кривые, нарушающие все законы физики. Все десять парящих сфер, освещавших зал, одновременно погасли. Не постепенно, не мигая — мгновенно, как будто кто-то выключил сам свет мироздания. Пространство погрузилось в крошечную, первозданную тьму — тьму, которая была древнее звезд, древнее галактик, древнее самого времени. Тьму, которая предшествовала Большому Взрыву и будет существовать после того, как последняя звезда погаснет.

Эта тьма длилась всего долю секунды. Но для всех присутствующих в зале — для Совета, для кадетов, для самого Ринна — она растянулась в вечность. В эту долю секунды каждый ощутил то, что нельзя описать словами — прикосновение бесконечности, дыхание бездны, взгляд пустоты, которая смотрит в тебя так же пристально, как ты смотришь в нее. Некоторые потом говорили, что видели звезды — но не те звезды, которые сияют на небе, а черные звезды, пожирающие свет. Другие утверждали, что слышали голос — тихий, шепчущий, зовущий из глубин. Третьи не могли вспомнить ничего, кроме всепоглощающего ужаса, который проник в самые кости и остался там навсегда.

А затем вспыхнул свет. Нет. Не свет. Вспышка. Она родилась из сферы вокруг ладони Ринна — вокруг той самой ладони, которая только что была пуста и беспомощна. Но, в отличие от золотистой или голубоватой искры Потока, которую демонстрировали другие кадеты, эта вспышка была абсолютно черной. Это была не просто тьма. Это была клубящаяся, живая, пожирающая саму себя аномалия, окруженная ореолом болезненного, рваного фиолетового свечения — цвета, который не встречался в природе, цвета, который был запрещен в искусстве, цвета, который вызывал у людей головную боль и тошноту на подсознательном уровне. Черная сфера пульсировала в ладони Ринна, и ее поверхность, если это можно было назвать поверхностью, постоянно менялась, перетекала, словно состояла из жидкой тьмы. Время от времени по ней пробегали разряды — не электрические, а какие-то иные, состоящие из анти-света, из отрицания самого понятия света.

Вспышка не осветила зал. Она сделала нечто гораздо более страшное — она поглотила весь свет в радиусе нескольких метров. Все сферы, все отблески, все тени — все исчезло, втянутое в эту черную воронку. Фигуры магистров на возвышении на мгновение стали плоскими, лишенными объема тенями, словно их вырезали из реальности и приклеили к фону. Их лица исказились, черты смазались, и в этом искажении было что-то глубоко неправильное, наруша-

ющее базовые законы перспективы и геометрии. Мир вокруг черной сферы переставал быть собой. Он становился чем-то иным. Чем-то, что не должно было существовать.

Сфера пустоты пульсировала в ладони Ринна, издавая даже не звук, а скорее, анти-звук. Это была вибрация, которая ощущалась не ушами, а костями. Она проходила сквозь тело, как рентгеновский луч, высасывая из пространства все фоновые шумы, все привычные звуки жизни — гул генераторов, дыхание людей, биение сердец. В зале воцарилась такая тишина, какой не бывает даже в открытом космосе. Это было безмолвие ледяных глубин Каллисто, сконцентрированное в одной точке. Безмолвие, которое давило на барабанные перепонки, вызывая боль и головокружение. Это была «вспышка пустоты» — явление, не описанное ни в одном учебнике, не предсказанное ни одной теорией, не зафиксированное ни одним прибором. То, чего не должно было случиться. То, что случилось.

Длилась она не больше двух секунд. Но эти две секунды изменили все.

Ринн, сам испуганный до полусмерти тем, что вызвал — до такой степени, что его разум на мгновение отключился, оставив только животный, первобытный ужас, — разжал пальцы. Это было не осознанное действие. Это был рефлекс, такой же базовый, как отдергивание руки от огня. Черная сфера, лишенная контакта с его ладонью, схлопнулась. Схлопнулась с тихим, чавкающим звуком — звуком, который невозможно забыть, услышав однажды. Так, наверное, звучало бы схлопывание маленькой вселенной. Так звучала аннигиляция материи в вакууме. Вакуумный хлопок прокатился по залу, заставив содрогнуться даже древние каменные стены. И сразу же, словно извиняясь за свое отсутствие, зажглись парящие сферы. Они замигали, замигали неуверенно, как напуганные светлячки, и наконец загорелись ровным светом. Но их свет теперь казался тусклым, неживым, искусственным. Таким, каким он, в сущности, и был — просто светом ламп, а не живым сиянием Потока.

Запах, оставшийся после вспышки, был запахом горелого озона и чего-то еще — чего-то древнего, как сама вселенная, как межзвездная пыль, как камни, которые никогда не видели солнечного света. Это был запах пустоты. Запах смерти звезд. Запах того, что находится между галактиками — там, где нет ни материи, ни энергии, ни времени. Этот запах проник в ноздри каждого присутствующего, осел на языке горьким привкусом, впитался в одежду и волосы. И каждый, кто его почувствовал, понял на каком-то глубинном, инстинктивном уровне: это неправильно. Этого не должно быть здесь. Это пришло оттуда, куда не должен заходить человек.

В наступившей, звенящей тишине кто-то из кадетов, стоявших у стены, тихо вскрикнул. Это был тонкий, сдавленный звук, полный ужаса. А потом все увидели то, на что смотрел этот кадет. И тишина стала еще глубже. На платформе из обсидиана — из того самого обсидиана, который мог выдержать выброс энергии класса «А», который стоил целое состояние, который считался практически неразрушимым, — зияла выбоина. Впадина. Дыра. Но это была не дыра в обычном смысле слова. Это было отсутствие. Часть камня не была оплавлена, не была расколота, не была испарена. Она была выедена, дезинтегрирована, аннигилирована. Словно часть реальности в этом месте просто перестала существовать. Стерта из мироздания. Отменена. И края этой дыры были идеально гладкими, словно отполированными — ни трещин, ни сколов, ни следов термического воздействия. Просто... ничего. Как будто этот кусок обсидиана никогда не существовал. Как будто сама идея его существования была удалена из вселенской памяти.

Реакция Совета была подобна взрыву сверхновой.

Магистр Восс вскочил со своего кресла с такой прытью, которой никто не ожидал от человека его возраста. Его парящее кресло, потеряв равновесие, отлетело в сторону и ударилось о стену. Мантия взметнулась, серебряные нити вспыхнули, активируя защитные протоколы. Его бледно-голубые глаза, только что бывшие тусклыми и безучастными, теперь метали молнии — в прямом смысле этого слова. Маленькие электрические разряды срывались с его ресниц, потрескивали в седых волосах, пробегали по пальцам. На кончиках его пальцев заискрилась готовая к бою энергия — та самая энергия, которую он, по слухам, использовал во время подавления восстания на Ио, когда в одиночку усмирил толпу из трехсот бунтовщиков, не убив ни одного, но оставив каждого парализованным на несколько часов. Сейчас эта энергия была направлена на Ринна, и в ней не было ни капли милосердия.

Двое магистров-тактиков среагировали еще быстрее. Их многолетняя подготовка, отточенная в бесчисленных сражениях с Аномалиями Мрака, сработала на рефлекс, опережающих сознание. Они одновременно вскинули руки, выставив вперед раскрытые ладони. Между ними и Ринном мгновенно сформировались защитные экраны — мерцающие, полупрозрачные плоскости энергии, способные выдержать попадание из плазменной пушки. Экраны дрожали, по их поверхности пробегала рябь, отражая остаточное излучение от вспышки. В другой руке каждый из тактиков уже держал боевой жезл — оружие, которым они не пользовались со времен последней кампании против пиратов в Поясе Астероидов.

— Дисфункция! — проревел Восс, и его голос, усиленный акустикой зала, заставил содрогнуться древние стены. Казалось, даже ледник под полом на мгновение затих, прислушиваясь. — Запретная техника! Немедленная изоляция объекта! Это не дар, это проклятие! Деструктор!

Слово упало в тишину, как кусок льда в воду — тяжело, неотвратно, окончательно. И от этого слова по залу пробежала волна — волна страха, ужаса, паники. Кадеты у стены отшатнулись, кто-то вскрикнул, кто-то начал молиться, кто-то просто закрыл лицо руками, не в силах смотреть на происходящее. «Деструктор». Страшный, почти забытый термин из учебников истории Потока, из тех глав, которые обычно пролистывали, потому что они были слишком мрачными, слишком пугающими. Деструкторы. Одержимые Пустотой. Существа, высасывающие саму жизнь из реальности, оставляющие после себя только мертвые, стерильные зоны, где не растет трава, не течет вода, не светит солнце. В легендах, передаваемых из поколения в поколение, их описывали как богоподобных чудовищ, уничтожавших целые звездные системы в эпоху Первой Экспансии. Говорили, что именно из-за них человечество едва не погибло, рассеиваясь по галактике в поисках спасения. Говорили, что один Деструктор мог уничтожить планету за несколько часов. Говорили, что они не были людьми — они были пустотой, принявшей человеческую форму.

Деструкторов не брали в плен. Их не судили. Их не допрашивали. Их уничтожали на месте, без суда и следствия, без протоколов, без сожалений. Увидеть Деструктора и не убить его означало стать его сообщником. Таков был закон — древний, жестокий, не знающий исключений. И этот закон был принят не из ненависти и не из страха — хотя и ненависти, и страха было в избытке. Он был принят потому, что само существование Деструктора было угрозой ткани мироздания, угрозой самой реальности. Каждая секунда его жизни приближала вселенную к краю пропасти.

Ринн знал эти легенды. Знал эти законы. Он учил их, как и все остальные кадеты, — читал наизусть параграфы, сдавал тесты, писал рефераты. И сейчас это слово, брошенное ему в лицо верховным магистром, обрушило на него всю тяжесть векового страха и ненависти. Он не был Деструктором. Он знал это. Но он также знал, что доказать это он не сможет. Потому что только что он сделал именно то, что, согласно легендам, делали Деструкторы. Он уничтожил материю. Он призвал пустоту. Он показал всем, кто он есть на самом деле.

Он попятился, споткнулся о край выбоины — той самой, которую сам же и создал — и рухнул на колени. Удар о твердый камень отозвался болью в позвоночнике, но он почти не заметил ее. Его трясло. Зубы выбивали дробь с такой силой, что он боялся их сломать. Мышцы сводило судорогой, по телу пробегали волны жара и холода одновременно. Он смотрел на свои руки — на те самые руки, которые только что держали саму смерть, — и не узнавал их. Это были грубые, натруженные руки шахтера, с въевшейся под ногти угольной пылью, с мозолями на ладонях, со следами старых порезов и ожогов. Руки, которые держали кирку, отбойный молоток, лопату. Руки, которые обнимали мать, помогали отцу, носили младшую сестру на плечах. Это не были руки чудовища. Но платформа под ним, прожженная насквозь, зияющая пустотой там, где только что был камень, свидетельствовала об обратном.

— Я не... Я не хотел... — прошептал он, и его голос — слабый, дрожащий, жалкий — потонул в гуле возмущенных голосов. Члены Совета что-то кричали, перебивая друг друга, слова сливались в неразборчивый шум. Магистр Восс продолжал выкрикивать приказы. Тактики медленно приближались, их жезлы были направлены прямо в грудь Ринну. А Магистр Корвелл уже спустился с возвышения, быстрым, целеустремленным шагом пересекая зал. В его руках поблескивал блокиратор — тяжелый металлический ошейник, предназначенный для подавления любых энергетических проявлений.

Блокиратор был страшным устройством. Ринн видел его однажды, когда в Академию привезли преступника-мага, обвиняемого в незаконном использовании Потока. Ошейник, надетый на его шею, светился тусклым красным светом, и преступник выглядел сломленным, подавленным, лишенным воли. Говорили, что блокиратор не просто подавляет способности — он подавляет саму личность, превращая мага в послушную марионетку. Что постоянное ношение блокиратора приводит к необратимым изменениям в мозге, к потере памяти, к разрушению интеллекта. Что это хуже смерти.

Глаза Корвелла, устремленные на Ринна, выражали не гнев и не страх. В них был интерес. Холодный, научный, безжалостный интерес. Для него Ринн был не чудовищем, не угрозой, не проклятием. Он был образцом. Уникальным экземпляром. Подопытным кроликом, на котором можно провести бесчисленные эксперименты. И эта перспектива, судя по блеску в глазах Корвелла, приводила его в восторг.

— Не двигайся, парень, — процедил он, и его голос был мягким, вкрадчивым, почти ласковым — что делало его еще более пугающим. — Сделаешь хоть одно движение — и я парализую тебя на неделю. Не бойся, это не больно. Почти. Совет вынесет решение, и если ты будешь сотрудничать, возможно, все обойдется.

Ринн не верил ему. Ни единому слову. Он видел, как за спиной Корвелла маячили тактики. Он видел, как Восс продолжал кричать, размахивая руками. Он видел лица кадетов — бледные, искаженные ужасом, смотрящие на него как на прокаженного. И он понимал, что все кончено. Не будет никакого «возможно». Не будет никакого «обойдется». Его судьба была

решена в тот момент, когда вспышка пустоты сорвалась с его ладони. Не технический корпус. Не шахты Каллисто. Карцер для опасных аномалий. Или, что вероятнее, быстрая и тихая ликвидация, чтобы не создавать паники и не будоражить общественность. «Эксперимент вышел из-под контроля», — напишут в рапорте. «Кадет проявил признаки дисфункции и был нейтрализован во избежание угрозы». Семье выдадут страховку. Может быть, даже медаль посмертно. И все. Конец истории никому не нужного мальчишки с ледяной луны, возмнившего себя адептом Потока.

Он представил лицо матери. Отца. Сестры. Они ждали его. Они верили в него. Они отказывали себе во всем, чтобы оплатить его обучение. Последние деньги семьи ушли на билет до Академии, на форму, на учебники. Он был их гордостью, их надеждой, их билетом в лучшую жизнь. И он подвел их. Не просто подвел — опозорил. Превратил в родителей чудовища. В изгоев, которых будут сторониться соседи, о которых будут шептаться за спиной. «Это их сын. Тот самый. Деструктор». Эта мысль была страшнее смерти. Страшнее блокиратора. Страшнее всего, что могли сделать с ним магистры.

В этот миг абсолютного, всепоглощающего отчаяния, когда блокиратор уже коснулся его шеи холодным металлом, когда первое прикосновение антимагического поля начало высасывать из него остатки сил, тишину разрезал спокойный, скрипучий голос — как старые, несмазанные петли, как сухое дерево, как что-то древнее и неожиданно надежное.

— Остановитесь, магистр Корвелл. Уберите эту жестянку. Немедленно.

Голос принадлежал четвертому члену комиссии, который на протяжении всего испытания не проронил ни слова и сидел в тени, слева от кресла Восс. Тайрен Раск. Он медленно поднялся, и это движение было похоже на пробуждение вулкана — неспешное, но чреватое колоссальной, невидимой силой. Его высокая, сухоощавая фигура в простой серой мантии без серебряного шитья — почти вызывающая бедность среди роскоши коллег — двинулась к платформе. Он шел спокойно, чуть прихрамывая на правую ногу, опираясь на простой деревянный посох. Каждый шаг отдавался глухим стуком в тишине зала. Стук. Стук. Стук. Как биение сердца. Как отсчет времени. В отличие от других магистров, в его руках не было подготовленной энергии. Он не формировал защитных экранов, не активировал боевых жезлов, не выкрикивал проклятий. Но это спокойствие было обманчивым. Воздух вокруг него едва заметно мерцал, как над раскаленным асфальтом в жаркий день. Тени, отбрасываемые его фигурой, жили своей собственной, независимой жизнью — они двигались не синхронно с его телом, а чуть запаздывая, словно раздумывая, следовать ли за хозяином. Они были длиннее, чем должны были быть, темнее, чем позволяла физика, и в их глубине что-то шевелилось. Это было проявлением власти над Потокom — власти столь глубокой и полной, что она не нуждалась в демонстрации, она просто была, как гравитация, как время, как сама реальность.

Магистр Восс резко обернулся к нему, и его лицо, только что бывшее маской холодного негодования, исказилось гневом. В этот момент он утратил всю свою величественность, превратившись в разъяренного старика, которому перечат в его собственном доме.

— Тайрен! — его голос сорвался на крик. — Вы ли это? После всего, что мы видели? После того, что сотворил этот мальчишка?! Чистая деструкция! Это же аксиоматика Хаоса! Вы, с вашим-то опытом, вы, который собственным глазом видел последствия Деструкции, должны первым требовать его нейтрализации! Вы должны быть в первых рядах, а вы защищаете эту... эту аномалию!

Раск не удостоил его взглядом. Он продолжал идти к платформе. Его шаги были размеренными, неторопливыми, и в этой неторопливости было что-то гипнотическое, что-то, заставлявшее всех присутствующих замереть и смотреть только на него. Он подошел к Ринну, который так и стоял на коленях, дрожащий, раздавленный, и опустил перед ним на корточки. Это было движение, которое никто не ожидал от Старшего Магистра — присесть на корточки перед кадетом, как перед равным, как перед человеком, достойным внимания. Его лицо, изборожденное шрамами — карта давно минувших битв, свидетельство ран, которые не могла исцелить даже магия Потока, — было бесстрастно. Шрам, пересекавший пустую глазницу, был особенно страшен — неровный, рваный, он тянулся от лба до скулы, и было видно, что рана когда-то была смертельной. Но Раск выжил. Он всегда выживал. Единственный глаз — темно-карий, почти черный, глубокий, как колодец, как беззвездное небо над пустыней — внимательно изучал кадета. Это был взгляд не судьи и не палача. Это был взгляд оценщика, который всю жизнь искал что-то редкое, что-то уникальное — и наконец нашел. Взгляд человека, увидевшего в груди мусора драгоценный камень невероятной чистоты.

— Потрясающе, — тихо, почти про себя произнес Раск, и его голос был полон не ужаса, не гнева, не отвращения, а искреннего, глубокого восхищения. Он протянул руку и провел пальцами по краю выбоины в обсидиане, не касаясь самой пустоты, но почтительно замирая на границе. — Не хаотичный выброс. Не безумный всплеск разрушительной энергии. Контролируемый, хоть и эмоциональный. Посмотрите на форму, Орлан. Идеальная сфера. Вы знаете, сколько адептов с десятилетним стажем не могут создать идеальную сферу даже из обычного Потока? А этот мальчик создал ее из пустоты. Из ничего. Из самой антитезы творения. И посмотрите на края. Ни одной трещины. Ни одного скола. Равномерная дезинтеграция по всему объему. Вы понимаете, что это значит? Он не уничтожил материю. Нет. Это не разрушение. Он на мгновение вывел ее из нашей реальности. Переместил туда, где нет ни пространства, ни времени, ни законов физики. Он наложил на нее мембрану своей внутренней пустоты. Своего личного небытия. Вы хоть понимаете, какой потенциал скрыт в этом мальчике? Какой прорыв в понимании природы реальности он может нам дать?

Он говорил тихо, но слова его разносились по всему залу, и каждое слово было ударом по ортодоксии Восса, по всем устоям, на которых держалась Академия.

— Потенциал?! — взвился Восс, и его голос сорвался на визг, полный такого возмущения, что даже магистры-тактики переглянулись. — Вы в своем уме, Тайрен? Вы слышите себя со стороны? Это оружие! Незаконное, неконтролируемое, запрещенное оружие, прямо запрещенное Эдиктами Канцелярии! Статья семнадцать, параграф четвертый! Я цитирую по памяти: «Любое проявление Пустотной энергии, независимо от источника и обстоятельств, подлежит немедленному подавлению, а его носитель — пожизненной изоляции». Вы предлагаете нарушить прямой эдикт Канцелярии? Вы предлагаете покрывать преступление? Его, — Восс ткнул пальцем в сторону Ринна, и в этом жесте было столько брезгливости, словно он указывал на ядовитого паука, — нужно изолировать и изучить, чтобы выработать противоядие, чтобы понять, как защититься от таких, как он! А не восхищаться им, как какой-то лабораторной мышью, у которой вдруг выросла вторая голова!

Раск медленно выпрямился. Это было движение, исполненное такой сдержанной мощи, что Восс невольно отступил на шаг. Старый маг повернулся к Совету, и его единственный глаз сверкнул холодной сталью. Вся его кажущаяся дряхлость исчезла в один миг, смытая волной силы, которая, казалось, исходила из самого его существа. Теперь он не казался стариком. Он

казался древним титаном, пробудившимся от векового сна. Он возвышался над всеми — не физически, но энергетически — источая такую мощь, что защитные экраны магистров-тактиков пошли рябью, а парящие сферы снова тревожно замигали. Тени за его спиной сгустились, стали длиннее, темнее, и в их глубине можно было разглядеть смутные силуэты — не то воспоминания, не то предвестники, не то эхо тех, кого он победил.

— Противоядие? — голос Раска теперь гремел, отражаясь от ледяных стен с такой силой, что, казалось, сам ледник содрогнулся. В этом голосе была не только сила — в нем была боль. Боль человека, который видел то, чего не видели другие. Который знал то, о чем другие боялись даже думать. — Вы говорите о противоядии, Орлан? А знаете ли вы, что мы триста лет топчемся на месте, пытаюсь понять природу Аномалий Мрака? Триста лет! С тех пор как первая Аномалия поглотила колонию на Новом Эдеме, мы не продвинулись ни на шаг! Мы не знаем, откуда они приходят. Мы не знаем, почему они появляются. Мы не знаем, как с ними бороться — мы можем только сдерживать их ценой жизней наших лучших магов! Триста лет мы слепо следуем догматам Потока, называя ересью все, что не вписывается в нашу узколобую, самодовольную картину мира! Мы зашорили себя, замуровали в башне из слоновой кости и называем это традицией! А решение, — он указал на Ринна, и в этом жесте не было брезгливости, было лишь утверждение, — стоит перед вами на коленях! В прямом смысле слова — на коленях, дрожащее от страха, готовое быть уничтоженным теми, кто должен его защищать!

Он сделал паузу, обводя взглядом Совет. Магистр Корвелл замер с блокиратором в руках, не решаясь ни надеть его, ни убрать. Тактики переглядывались, их жезлы дрожали в руках. Даже Восс, при всем своем гневe, молчал, не в силах прервать эту речь.

— Этот мальчик — не деструктор, — продолжил Раск, и его голос стал тише, но от этого не менее убедительным. — Деструкторы — это пустые оболочки, одержимые голодом, не способные ни к чему, кроме разрушения. А он... он — зеркало. Он — Пустотник. Уникальный феномен, которого не было в галактике со времен Войн Прорыва. Я думал, что все они исчезли. Я думал, что этот дар утрачен навсегда. Но он здесь. Его сила — это та же сила, что движет Аномалиями Мрака. Та же самая энергия, та же самая природа. Неужели вы не понимаете? Только он способен понять ее. Не подавить, не уничтожить — это невозможно, мы пробовали триста лет и лишь теряли людей. Понять. Изучить изнутри. Найти способ говорить с пустотой на ее языке. Он — ключ, который мы искали все это время, и вы готовы выбросить этот ключ в мусорный контейнер только потому, что он не похож на другие ключи!

— Он опасен! — не сдавался Восс, но его голос дрогнул, утратил прежнюю уверенность. Он знал, что авторитет Раска — старейшего боевого мага, прошедшего Войны Прорыва, человека, который в одиночку сражался с Архидемоном Гракхом и выжил, — был непререкаем, несмотря на его опалу, несмотря на репутацию чудака и еретика. — Даже если вы правы, Тайрен, даже если в ваших безумных теориях есть зерно истины, вы не можете гарантировать, что он не потеряет контроль! Вы не можете гарантировать, что его сила не вырвется наружу и не уничтожит всех нас! Мы не можем рисковать целой Академией ради одного сомнительного эксперимента!

— Опасен? — Раск усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли веселья. Это была усмешка человека, который видел настоящую опасность — не в дрожащем мальчишке на коленях, а в тех, кто, прикрываясь заботой о безопасности, душит любое инакомыслие. — Вы боитесь его. Признайте это, Орлан. Вы боитесь того, чего не можете понять, не можете классифицировать, не можете вписать в свои аккуратные таблицы и диаграммы. Ваш страх — вот что

сейчас говорит в вас, а не забота о безопасности. Вы, который никогда не был дальше орбиты Марса, боитесь мальчишку, который сам боится себя в тысячу раз больше, чем вы его. А я... я вижу в нем ученика.

Слово «ученик» прозвучало как гром среди ясного неба. Как выстрел. Как объявление войны.

— Ученика?! — хором выдохнул Совет. Магистр Корвелл выронил блокиратор, и тот с лязгом покатился по каменному полу. Магистры-тактики опустили жезлы, забыв о протоколах безопасности. Даже кадеты у стены, которые до этого момента старались казаться незаметными, ахнули в унисон. Взять в личные ученики существо, признанное деструктором? Объявленное вне закона? Это было неслыханно. Это был вызов. Вызов всем устоям Академии, всем традициям, всем законам. Это было объявление войны Совету и всему, что он олицетворял.

— Да, ученика, — спокойно подтвердил Раск, и в его голосе не было ни тени сомнения. — Я, Магистр Высшей Ступени Тайрен Раск, Владеющий Четырьмя Потоками, Хранитель Теней и Победитель Архидемона Гракха, беру кадета Ринна под свою личную опеку и полную ответственность. С этого момента его жизнь, его обучение и любые проявления его силы находятся в моей юрисдикции. Он больше не подчиняется Академии. Он подчиняется только мне. Кто осмелится оспорить право Старшего Магистра?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как дамоклов меч. Все знали древний закон — один из немногих, которые не менялись со времен Основания. Старший Магистр, обладающий достаточной квалификацией, имел право выбрать любого ученика, и никто, кроме Канцлера Академии, не мог оспорить это решение. Закон был создан для того, чтобы одаренные одиночки, не вписывающиеся в стандартную систему обучения, могли найти наставника. Но никто и никогда не применял его к тому, кого Совет только что объявил Деструктором. Это была серая зона, юридическая лакуна, которую Раск использовал с мастерством опытного фехтовальщика.

Канцлер, как назло, находился в дипломатической миссии на Геоне — далеко, за пределами досягаемости, в нескольких неделях гиперпространственного полета. Связаться с ним можно было, но ответ пришел бы не раньше чем через месяц. А до тех пор Раск был высшей властью в этом зале. Восс открыл рот, чтобы возразить, но тут же закрыл его, не издав ни звука. Его челюсти сжались так сильно, что на скулах заходили желваки. Его пальцы, все еще искрящиеся энергией, сжались в кулаки. Взгляд метался между Раском и Ринном, который все еще стоял на коленях, не в силах поверить в происходящее, не в силах даже дышать. Лишать Раска звания? Это была бы открытая война внутри Совета, раскол, который мог разрушить Академию изнутри. Пытаться силой задержать кадета? Это означало бы вступить в прямой бой с человеком, который победил Архидемона, — исход такого боя был, мягко говоря, неочевиден. Восс понял, что проиграл. По крайней мере, сейчас. В этом зале. В этот момент.

— Вы совершаете чудовищную ошибку, Тайрен, — процедил он наконец, и каждое слово сочилось ядом, нарастаченной злобой, обещанием будущих неприятностей. — Вы не просто ставите под угрозу Академию. Вы ставите под угрозу само будущее Потока. Ваш... эксперимент... погубит нас всех. Я официально вношу протест в протокол Совета. Я буду настаивать на чрезвычайном заседании. Я лично свяжусь с Канцлером. И когда — не если, а когда — этот мальчик потеряет контроль, когда его сила вырвется наружу и повлечет за собой жертвы, вы лично ответите перед Канцелярией. Лично, Тайрен. Ваши былые заслуги вас не спасут.

— Принято к сведению, — кивнул Раск с таким равнодушием, словно речь шла о прогнозе погоды на завтра. — А теперь, — он повернулся к остальным, и его голос снова стал властным, не терпящим возражений, — прошу всех покинуть зал. Совет, кадеты, персонал. Все. Немедленно. У меня начинается первый урок.

Он протянул руку — ту самую руку, которая, по легендам, сжимала горло Архидемона, которая чертила руны на полях сражений, которая исцеляла и разрушала — и одним рывком, сильным и неожиданно бережным одновременно, поднял Ринна на ноги. Рука магистра была сухой, горячей, как нагретый на солнце камень, и неожиданно крепкой, как стальной трос. В этом прикосновении была странная, необъяснимая уверенность — словно сам факт того, что Раск держит его, означал, что все будет хорошо.

Совет начал расходиться. Магистры-тактики, не проронив ни слова, убрали жезлы и направились к выходу, их шаги были четкими, строевыми. Магистр Корвелл поднял с пола блокиратор, бережно, как ценную вещь, и, бросив на Ринна последний, жадный взгляд ученого, у которого отобрали уникальный образец, последовал за ними. Кадеты, все еще дрожащие, шокированные, потянулись к дверям, перешептываясь, бросая через плечо испуганные, любопытные взгляды. Ринн знал, что уже через час слухи о случившемся разлетятся по всей Академии. Через день — по всей Федерации. Он стал легендой. Или проклятием. Или тем и другим сразу.

Магистр Восс задержался дольше всех. Он стоял на возвышении, прямой, как копье, и его глаза, бледные, холодные, прожигали Раска насквозь. В этом взгляде была не только злоба. В нем было что-то еще — что-то, похожее на страх. Не страх перед Ринном, не страх перед его силой. Страх перед Раском и тем, что он олицетворял. Страх перед переменами, перед неизвестностью, перед тем, что старый порядок, которому Восс посвятил всю свою жизнь, может рухнуть. А затем и он исчез в боковом проходе, и его шаги еще долго эхом отдавались в пустом зале. Унося с собой атмосферу осуждения и страха.

В огромном зале остались только двое: высокий, сгорбленный маг с простым деревянным посохом, опирающийся на него так, словно без этого посоха он не мог стоять, и дрожащий кадет в разорванной на коленях форме, с бледным лицом и глазами, полными слез. Свет сфер снова стал ровным, мягким, успокаивающим, но выбоина в обсидиане — черная, зияющая, как открытая рана, — была молчаливым, неопровержимым свидетельством того, что все случившееся — не сон, не галлюцинация, не плод больного воображения. Это было реально. Все это было реально.

— Зачем? — едва слышно выдавил из себя Ринн, глядя в спину удаляющемуся Совету. Голос его дрожал, срывался, был почти неразличим. Слезы — злые, горячие слезы облегчения, стыда и все еще не прошедшего страха — текли по его щекам, смешиваясь с ледяной крошкой, осевшей на лице от холода, который он только сейчас начал ощущать. — Зачем вы это сделали? Ведь они правы. Они правы! Я чуть не разрушил все вокруг. Я уничтожил платформу. Я мог убить кого-нибудь. Я... я монстр. Посмотрите на меня. Посмотрите, что я сделал. Какой из меня ученик? Я не могу контролировать даже собственную искру, а вы говорите о каком-то потенциале...

Раск посмотрел на него сверху вниз. Долгим, изучающим взглядом, который, казалось, проникал сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости — прямо в ту темную, запятанную глубоко внутри бездну, которую Ринн так долго пытался игнорировать. И в его единственном

глазу промелькнуло что-то, чего Ринн не ожидал увидеть. Не осуждение. Не холодное научное любопытство. А сочувствие. Глубокое, выстраданное сочувствие, смешанное с болью — старой, застарелой болью, которая никогда не заживала до конца.

— Монстр? — переспросил Раск, и его голос был тихим, задумчивым. Он покачал головой, и это движение было исполнено бесконечной усталости. — Нет, мальчик. Ты не монстр. Монстры — это те, кто, столкнувшись с иным, непонятым, пугающим, первым делом тянутся к оружию. Монстры — это те, кто, прикрываясь заботой о порядке, уничтожают все, что в этот порядок не вписывается. А ты... ты даже не знаешь, что держишь в руках. Ты похож на ребенка, которому дали в руки бомбу и сказали, что это игрушка. Ты не виноват в том, что ты такой. Твоя сила — это не проклятие. Это дар. Опасный, да. Непонятный, да. Но дар. И моя задача — научить тебя им пользоваться, пока те, кто считает тебя монстром, не решили, что проще уничтожить тебя, чем понять.

Он помолчал, давая этим словам осесть в сознании Ринна. В тишине было слышно, как где-то глубоко под полом снова застонал ледник — низко, протяжно, словно приветствуя нового Пустотника.

— Ты не монстр, — повторил Раск. — Ты ключ. Ключ к двери, которую Совет боится открывать вот уже три сотни лет. Ключ к пониманию самой природы пустоты. Ключ, возможно, к спасению миллионов жизней. И я не позволю им выбросить этот ключ только потому, что он им не нравится. — Он снова помолчал, и его голос стал сухим, деловым, почти будничным. — А теперь, первый урок, кадет. Слушай внимательно, потому что от этого зависит твоя жизнь. И, возможно, не только твоя. Самое сложное в контроле над Пустотой — это даже не сама сила. Не ее мощь, не ее разрушительность, не ее чуждость. Это умение не смотреть на нее. Твой главный враг не там, вовне. Не Совет, не Восс, не те, кто будет охотиться за тобой. Твой враг — это твой собственный взгляд, обращенный внутрь себя. Потому что в тебе есть бездна. Ты знаешь это. Ты чувствуешь ее всю свою жизнь. И как только ты посмотришь в эту бездну, как только ты встретишься с ней взглядом — она посмотрит в тебя. И это будет поединок. Поединок, в котором ты должен научиться не моргать. Потому что если ты моргнешь — ты проиграешь. И тогда ты действительно станешь тем, кем они тебя называли.

Он протянул руку и положил ее на плечо Ринну. Прикосновение было тяжелым и теплым.

— Урок начинается прямо сейчас. Смотри на меня. Не в себя. На меня. И не моргай.

Ринн поднял голову. Встретился взглядом с единственным глазом старого мага — темным, глубоким, как сама вечность. И в этом взгляде он увидел нечто такое, отчего по его спине пробежал холодок. Он увидел, что за этим глазом, за этим шрамом, за этим лицом скрывается такая же бездна, как и внутри него. Что Раск не просто говорит о пустоте. Он знает ее. Он живет с ней. И он до сих пор не моргнул. Ринн судорожно сглотнул, чувствуя, как слезы высыхают на щеках, как страх медленно, неохотно отступает, уступая место чему-то новому, незнакомому. Чему-то, что было похоже на надежду. И он понял, что его жизнь, только что висевшая на волоске, только что сделавшая крутой, непредсказуемый вираж, устремилась в неизвестность, которая была во сто крат страшнее ледяных шахт Каллисто. Но впервые за долгое, очень долгое время он был не один в этой неизвестности. С ним был тот, кто знал дорогу. Или, по крайней мере, делал вид, что знает. А это уже было кое-что. Это было намного больше, чем у него было час назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.